

Театр, за который заплачено жизнью

Убийство Лернера: искусство перестало быть неприкасаемым

Кроме Центра имени Вс. Мейерхольда (на снимке) у Альфреда Лернера было много планов.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

Григорий Заславский

Один из расхожих критических штампов – о том, что актер за свой талант платит жизнью. Даже если смерть наступает в силу естественного износа организма, эта мысль нет-нет да и промелькнет в поминальных статьях. Убитый на прошлой неделе директор Центра имени Вс. Мейерхольда Альфред Лернер не был актером. Он был весьма удачливым бизнесменом, для которого театр стал любимым делом и одновременно – прибыльным.

Два года назад его усилиями был построен наконец и открыт на Новослободской Центр имени Мейерхольда, потом был Опера-хаус на Остоженке, в этом году – Культурный центр Союза театральных деятелей на Страстном бульваре. Как выясняется теперь, он должен был строить и проводить реконструкцию едва ли не всех московских театров. Сразу после окончания работ на Страстном он собрался приступить к строительству нового здания «Сатирикона» и парка искусств вокруг него, его имя называли и в свя-

зи с «Геликоном», и с «Мастерской Петра Фоменко», и с театром «Et Cetera»... После убийства в информационных выпусках сообщили, что Лернер имел отношение к известной сети фитнес-центров.

Лернер – не первый человек театра, погибший от руки наемного убийцы. До него были ректор ГИТИСа, доктор философских наук и профессор Сергей Исаев, хореограф, лауреат многих премий Евгений Панфилов. Убийства Исаева и Панфилова не раскрыты, в обоих случаях убийцы не найдены. Значит, убийство Лернера – не последнее.

«Страшно и непонятно», – в один голос твердили все, с кем пришлось поговорить в эти дни. Очень многие и вовсе отказывались что-то говорить.

Сразу вспомнилось, как проходила панихида, когда хоронили Исаева. При том что все вроде бы относились к нему хорошо и его уважали, сам факт заказного убийства мешал отнестись к происшедшему с естественной жалостью, произносить обычные «прощальные» слова. Поэтому о кристальной честности и человеческой отзывчивости многие так и не вспомнили.

На панихиде, которая проходила в Центре имени Мейерхольда, собрались едва ли не все директора московских театров. Был председатель СТД Александр Калягин, был главный архитектор Москвы г-н Кузьмин, были высокопоставленные московские чиновники.

В кулуарах вспоминали, кто и когда предупреждал его. Выяснилось, что предупреждали многие, но у Лернера как будто не было чувства опасности. Можно вообразить, что Лернер уповал на московское правительство, которое выступало партнером едва ли не во всех его строительных проектах.

Убийство Лернера вызвало смутнение в театральных рядах. И это – не преувеличение. Конечно, равных Лернеру в Москве больше нет. Он был единственным и потому – самой заметной и самой крупной мишенью.

Но поежились даже те, кто не строит и не ремонтирует. Таких сегодня, впрочем, немного: сегодня капитальное строительство переживают или ожидают больше 10 столичных театров (Большой, Станиславского и Немировича-Данченко, «Сатирикон»,

«Мастерская Петра Фоменко», «Геликон», «Современник», «Et Cetera», «Модерн», Театр имени Пушкина, «У Никитских ворот», Театр зверей «Уголок Дурова», Театр Луны). Но даже те, кто просто руководит театрами, с тех самых пор как культурным учреждениям в Москве разрешили сдавать площади в аренду и направлять эти деньги на творческую деятельность, перестали быть «просто руководителями театров».

Известные театры обзавелись итальянскими ресторанами, ночными и специализированными мужскими клубами, фитнес-центрами, некоторые из них уже не уступают в известности самым заслуженным театральным коллективам.

Гибель исполнительного директора Центра имени Мейерхольда «проинформировала» их о том, что неприкасаемых и неуязвимых больше нет. Что театр – как род занятий, как высокое ремесло, как искусство, где вроде бы должны править свои законы, – более не защищает сопутствующего основному роду занятий или факультативного бизнеса.

Занавес открылся. И больше не закрывается. ■